

СЕРДЦЕ НА БРАЙЛЕ

ПАСКАЛЬ
РЮТЕР

Паскаль Рютер
Сердце на Брайле

ИД "КомпасГид"

2012

УДК 21.133.1393
ББК 84(4Фра)644

Рютер П.

Сердце на Брайле / П. Рютер — ИД "КомпасГид", 2012

ISBN 978-5-907178-86-1

Что может быть хуже школы? Для Викторá – ничего! Не успевает он вернуться домой, как всё услышанное на уроках вылетает из головы. Зато песни The Rolling Stones и сочиненные со своей группой аккорды он помнит всегда! А уж тому, какие подробности он знает о машинах, удивляются даже отец Виктора и друг Хайсам. Новенькая Мари – его полная противоположность. Учится, не прилагая усилий. Блестяще играет на виолончели. Готовится к консерватории. Тихая. Гениальная. Идеальная! Однажды Виктора пересаживают за одну парту с Мари – и жизнь обоих становится другой. То, что поначалу казалось вынужденной необходимостью, перерастает в дружбу, а может быть, и в любовь. Вот только сохранить это хрупкое чувство непросто: Виктор должен помочь Мари сберечь ее тайну, которая может их разлучить если не навсегда, то совершенно точно надолго. «Сердце на Брайле» – самая известная книга французского писателя Паскаля Рютера (родился в 1966 году). Поразительная история Мари, Виктора и его друзей так вдохновила режиссера и сценариста Мишеля Бужена, что он перенес ее на экран – и герои, столь живые в книге, ожили на экране, воодушевляя зрителей и читателей на такие простые – и такие нужные в жизни – по-настоящему смелые поступки.

УДК 21.133.1393

ББК 84(4Фра)644

ISBN 978-5-907178-86-1

© Рютер П., 2012
© ИД "КомпасГид", 2012

Содержание

1	7
2	13
3	21
4	29
5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Паскаль Рютер

Сердце на Брайле

Посвящается Дельфине

1

Не успел прозвенеть будильник, как послышались папины шаги на лестнице. Он широко распахнул дверь в мою комнату.

– Подъем, сегодня важный день!

Затем растормошил меня в кровати.

– Поспеши, а то опоздаешь!

И спустился обратно – из него прямо ключом била энергия. За каникулы я отвык подниматься рано и никак не мог очухаться ото сна, перед глазами всё плыло, как в тумане. Снизу доносился грохот – папа готовил завтрак. Однако это ничуть не мешало моей дреме: я готов уже был вот-вот отключиться, как отец неожиданно завопил:

– Сам поднимешься или подъемный кран тебе вызвать?

Я вздрогнул и рискнул высунуть ногу из-под одеяла – нерешительно, словно собираясь нырнуть в холодную воду. Потом нащупал рядом какие-то штаны и футболку. «Не до нарядов», – пронеслось в голове. Когда я спускался по лестнице, казалось, что вешу тонну.

Папа приготовил горячий шоколад. Меня окутал приятный, уютный аромат, и туман в голове немного рассеялся.

– Ты готов? – поинтересовался папа, пока я пил.

Он поднял бровь. Его правая рука, казалось, издаликала массировала мне мозг. Я попытался сделать вид, что контролирую ситуацию.

– Наверное, да, но... Никогда не знаешь наверняка, так?

Папа с грохотом убрал посуду и, прежде чем отправиться снова лечь спать, сказал:

– Не забудь стереть шоколадные усы. Важно следить за собой!

Я пожал плечами и отправился в гостиную. Солнце едва взошло, заливая светом маленький дворик. Несколько листьев уже упали на землю и напоминали сухих бабочек. Я пошел в свою комнату за рюкзаком. За каникулы он будто усох и сморщился. И я понял, что бояться его не стоит. Тем более не нужно пугаться его содержимого. Я покопался внутри, нашел список школьных принадлежностей и прикусил губу, спохватившись, что должен был отдать его папе. Но, с другой стороны, он и сам мог бы вспомнить. Именно так поступают в настоящей команде.

Я уже собирался ввалиться в его комнату и предупредить, но потом решил: ладно... Вывалив всё из рюкзака, чтобы провести ревизию, я обнаружил огрызки карандашей и один из странных рисунков уважаемого Хайсама: яблоня, вокруг которой лежали красные яблоки. Теряясь в догадках, я повесил рисунок на стену. Что он хотел этим сказать? Честно признаться, я ничего не понимаю ни в том, что он рисует, ни в том, что говорит. А если прошу объяснить, становится еще непонятнее.

Кроме того, в рюкзаке лежала последняя контрольная с 3 баллами из 20¹ и замечанием «Старайся», фотография женщины в купальнике, вырезанная из какого-то журнала. В тоненьком таком купальнике. Да и женщина тоже... тоненькая. Я перевернул рюкзак и вытряхнул всё остальное. Уже само ощущение новизны сулит надежду.

Теперь рюкзак показался мне очень легким. Конечно, без всех этих ручек-карандашей в нем нет никакого смысла. Поэтому я захватил парочку прошлогодних тетрадок, которые завалялись на дне ящика письменного стола.

Мои школьные дела шли не так уж и хорошо, хотя я пообещал себе улучшить ситуацию. Мне пришлось заново отрегулировать лямки рюкзака: я ослабил их, чтобы не жали в плечах. «Вырос», – подумал я и подошел к большому зеркалу. Точно: разросся вширь, и рюкзак за плечами уже не выглядел таким внушительным.

---

¹ В школах Франции принята двадцатибалльная система оценок. (Здесь и далее примеч. ред.)

Конечно, я обрадовался, поскольку телосложение – вещь в жизни важная.

Прежде чем выйти из дома, я не очень убедительно бросил: «До скорого!» – но папа не ответил. В этом нет его вины. Вчера отец, должно быть, вернулся из города довольно поздно. Как обычно, он старался не шуметь, чтобы не разбудить меня, и сейчас ему надо выспаться.

Снаружи было тепло, но пасмурно. Папа припарковал «панар» во дворе на брусчатке. Отец просто одержим этой машиной: накануне он провозился с ней весь день, пытаясь отремонтировать коромысло клапана двигателя, но вместо этого получил кучу проблем со смазочными трубками. Я посоветовал ему снизить подачу масла, и это сработало. Уже вечером, когда папа отправился развозить посылки, я услышал, лежа в постели, что мотор M10S рычал как надо. Ну правда, самая лучшая колыбельная в мире.

Когда я добрался до коллежа², там повсюду толпилась целая куча народа.

Пройдя мимо комнаты консьержа, где я не обнаружил ни Хайсама, ни его отца, я отправился во двор к остальным ученикам, ждавшим директрису.

Двор был полон, а за оградой столпились родители, которым не терпелось посмотреть, как пройдет первый учебный день. Они протискивали головы между прутьями решетки, как заключенные, вдыхающие аромат свободы, – мне показалось это забавным. Директриса начала вызывать учеников по одному. Мы все построились каждый перед своим классным руководителем. Как только класс набирался полностью, его уводили в здание коллежа. Словно вагон за вагоном уходящего поезда, исчезали ряды учеников, а двор постепенно пустел. Стало интересно, куда же запропастился уважаемый Хайсам, но тут кто-то положил руку мне на плечо. Даже не пришлось оборачиваться – я уже знал, что это он.

– Уважаемый египтянин, – прошептал я, – надеюсь, мы с тобой в одном классе.

– Всё уже решено.

Наконец я обернулся – не терпелось на него посмотреть. Мне показалось, что он еще больше потолстел за каникулы. Свой огромный живот Хайсам носил в клетчатой рубашке, которая давным-давно вышла из моды, и вельюровых брюках, настолько коротких, что из-под них выглядывали носки разного цвета. За бесшумными очками в черепаховой оправе улыбались два маленьких глаза. Выглядел он уверенно и спокойно, как человек, познавший смысл жизни. Никогда не понимал, как можно столь невозмутимо игнорировать моду, ну да ладно, это его личное дело. И тут я получил от египтянина резкий удар локтем под ребро.

– Виктор! Отсутствует? Уже отсутствует? – вопила директриса в громкоговоритель.

Не лучший момент для дезертирства: не стоит привлекать к себе внимание с самого начала учебного года, я бы предпочел слегка подождать.

– Нет! Нет! Я здесь... – крикнул я, размахивая руками. – Иду, вот, смотрите, я на месте!

Вскоре ко мне подошел Хайсам. «Всё решено», – сказал он, и действительно всё уже было решено. Больше никого в классе я не знал и, следуя по коридорам за классным руководителем, думал: «Тем лучше, никто меня не знает».

Мы расселись по местам, учитель попросил заполнить анкеты. В этом году нас почему-то пожелали *анкетировать* – я так и не понял почему, ну да ладно... Хотелось бы узнать побольше о преподавателях, но я не осмелился и заикнуться об этом. Да предложи я такой учебный проект, к нему точно отнесутся с подозрением. Хотя было бы любопытно узнать, где живут наши учителя, про их семьи и тому подобное. Гораздо интереснее, чем вот это всё.

---

² Школьное образование во Франции отличается от привычного нам российского. Образование состоит из нескольких ступеней. Начальное образование – 3–4 года в детском саду и 5 лет в начальной школе. Среднее образование (а именно о нем и пойдет речь в книге) – 4 года в коллеже и 3 года в лицее. Повествование в книге начинается с первого учебного дня главного героя в четвертом классе коллежа. Обучение в коллеже продолжается с шестого по третий класс. Обратите внимание, что первый год обучения во французском коллеже (и не путайте его с американским колледжем!) называется шестым классом (соответствует шестому классу российской средней школы). За шестым классом коллежа следуют пятый, четвертый (в котором и учатся наши герои) и третий. В конце третьего класса ученики имеют возможность записаться в общий или технологический лицей.

Хайсам по привычке занял последнюю парту. Я надеялся, что его повадки изменились, однако нет, он по-прежнему желал сидеть за задней партой один. Мой друг часто говорил, что это для него очень важно. Во время уроков Хайсам впадал в состояние глубокой сосредоточенности, которое со стороны напоминало сон. Я-то знаю, что это типа такое сгущение концентрации, представьте себе сироп, – однако учителя каждый год попадались в эту ловушку, думая, что он дрыхнет. Египтянин сидел, опустив подбородок на грудь, скрестив руки на животе и даже прикрыв веки. Уважаемый Хайсам рассказывал, что в такие моменты становится «нильским крокодилом»: всем кажется, будто он спит, однако на самом деле парень впитывает информацию как губка и реагирует на каждое слово, каждую интонацию учителя. Точь-в-точь притаившийся аллигатор. Тот тоже вроде бы дремлет, но стоит приблизиться – попадешь в пасть.

В прошлом году учитель математики написал на доске мудреный пример с кучей корней и всякими формулами, ну прямо как в научной фантастике. Пока он туда-сюда расхаживал от одного конца доски к другому, мой уважаемый египтянин мирно сидел вот так по-своему и, казалось бы, лениво дремал, ничего не записывая и свесив на грудь голову. Вдруг он приоткрыл одно веко и, почтительно приподняв руку, произнес:

– При всём моем уважении, месье, я думаю, мы можем сделать гораздо проще.

Хайсам медленно подошел к доске, взял мел – и тут все поняли, что происходит чудо. Где-то в уголке доски он поставил всего одну-единственную маленькую черточку, а у учителя глаза на лоб полезли, будто перед ним распахнули дверь в бесконечность.

– Вы совершенно правы, – произнес он унылым и одновременно восхищенным голосом.

А затем взял отпуск по болезни: наверняка ему было о чём поразмыслить.

Заполняя анкету, я слегка застопорился на графе «профессия отца». В итоге написал «покупатель», решив, что лучше и не скажешь. Он, заметьте, и продажами тоже занимается, но я подумал: «покупатель» звучит гораздо загадочнее и даже как-то благородно. Вдруг я забеспокоился: поставил ли папа тепловой зазор клапанов на 0,15 в топливной и выхлопной системе «панара»? Иначе коромысло клапана долго не протянет. Задумавшись об этом, я прослушал то, что говорил учитель.

* * *

К полудню мы с Хайсамом снова встретились во дворе. Из-за своих очков с толстыми стеклами он был похож на огромную сову. Медленным шагом мы направились в каморку его отца, консьержа коллежа. Хайсам – уважаемый Хайсам, как я к нему иногда обращаюсь, – ходил всегда очень неспешно. А зову я его так, потому что при знакомстве он всегда выдавал одну и ту же фразу, словно проигрывая заезженную пластинку: «Хайсам – это египетское имя, которое заслуживает уважения».

Его отец ожидал нас перед шахматной доской. Рядом возвышалась пирамида из прозрачного лукама. Мой друг – философ. Однажды Хайсам сказал, что египетские пирамиды – это вроде как доказательство того, что люди безнадежны и по самой природе своей склонны разочаровываться и прикладывать всё меньше и меньше усилий. В тот раз я вообще ничего не понял, поэтому вечером спросил папу, однако он чуть не задохнулся от смеха и посоветовал быть осторожнее с Хайсамом, поскольку мой приятель смахивает на пессимиста. Я заглянул в словарь, который папа подарил мне в надежде пробудить интерес к учебе, и выяснил, что пессимизм – это «убежденность, что всё плохо».

Короче, сегодня я, как обычно, наблюдал за их игрой в шахматы, пока школа пустела, а мой желудок набивался лукумом. Хайсам переставлял фигуры медленно и церемонно, словно какой-нибудь важный маг. На тонких губах его отца играла вечная легкая улыбка. Они почти не разговаривали друг с другом. После каждого хода мой дорогой египтянин брал кусочек

лукума и медленно пережевывал, ожидая реакции отца. Сахарная пудра парила какое-то время над шахматной доской и падала на клетчатую рубашку уважаемого Хайсама. Казалось, под защитой маленького сахарного облачка существует особый мирок – тихий и спокойный.

Мне нравилось уходить из коллежа последним. Да и приходиться последним, если честно, тоже. Только вот Счастливчик Люк³ в этом ничего не смыслил. Кстати, именно Хайсам первым заметил, что наш завуч похож на Счастливчика Люка. Этаким бретонский Счастливчик Люк. Иногда кто-нибудь заглядывал в комнату отца Хайсама с вопросом, и тот отвечал широким взмахом руки. Множество тайн окружало моего дорогого друга. Почему Хайсам такой толстый, а его отец худой? Почему ему дали египетское имя, если его отец – турок? А еще почему уважаемый египтянин соблюдал шаббат, хотя это совсем не египетский и даже не турецкий обычай? Мой приятель Хайсам был очень загадочной натурой. Иногда я искал ответы в словаре, который подарил отец, но и это не всегда помогало. Тогда я просто смотрел, как они играют в шахматы, и объедался лукумом.

Лукум: «удовольствие для горла». Восточная сладость, изготовленная из ароматной пасты и покрытая сахарной пудрой.

* * *

– Ну, как всё прошло? – спросил отец, высунув перепачканную в машинном масле голову из мотора «панара». – Еще не успел отличиться?

Я вздохнул.

– Пока нет...

Он недоверчиво нахмурил брови. В конце прошлого года папа пообещал администрации коллежа, Счастливчику Люку в особенности, что будет за мной следить. Чтобы подбодрить меня, он купил «Трех мушкетеров» Александра Дюма и словарь, о котором я уже говорил. Я спросил:

– Ты поставил тепловой зазор клапанов на 0,15 в топливной и выхлопной системе? Иначе коромысло клапана сдохнет.

Отец пожал плечами, вытирая инструменты.

– А как думаешь, пап, сколько времени Дюма писал «Трех мушкетеров»?

– Не знаю...

– Может, целый год?

– Может... но мне кажется, дольше.

– Думаешь, целых три? По году на мушкетера.

– Возможно.

– Пап, еще кое-что...

Он опустил на переднее сиденье «панара».

– погоди, я сяду, мало ли какая новость...

– Я хотел спросить... Ты сам хорошо учился в коллеже?

Отец выглядел уверенно и страшно важно. Он улыбался и смотрел в пустоту. Казалось, папа копается в воспоминаниях, задумчиво почесывая правой рукой подбородок, будто пытается выбить из него искры прошлого.

– Да, просто блестяще.

– По каким предметам?

– По всем.

---

³ Счастливчик Люк (англ. Lucky Luke) – персонаж комиксов, мультфильмов, художественных фильмов и сериалов. Впервые этот герой появляется в серии комиксов, опубликованных в 1947 году. Он бесстрашный ковбой на Диком Западе, который «стреляет быстрее своей тени».

На его лице, которое расплывалось в мутноватом ветровом стекле, застыла забавная улыбка, гордая и в то же время грустная.

У меня всё-таки остались сомнения. Ведь есть такая ерунда, как отцовский долг, обязанность служить мне примером... Я вошел в дом, решив, что о «Трех мушкетерах» и Александре Дюма лучше расспрошу уважаемого Хайсама. Я выпил стакан воды и поднялся к себе в комнату под самой крышей. Потом вытряхнул рюкзак и расставил новые учебники на специально привинченной для них полочке. На стену я прикрепил расписание уроков, потому что в пятом классе⁴ у меня в голове начали путаться предметы, часы, дни, и я постоянно всё забывал. Наконец я подписал тетради, указав на первой странице предмет и имя преподавателя, и обернул их в обложки. Потратил уйму времени, но вышло вполне прилично, и я даже подумал, что начинаю делать успехи. Успехи в подходе к учебе. Это суперважно. Ведь с правильным подходом и за всем остальным дело не станет.

Я спустился в гостиную и спросил папу, может ли он приготовить рис по-египетски по рецепту, который дал Хайсам. За ужином отец обратился ко мне так серьезно, что я даже испугался:

– Ну, мой мальчик, в этом году тебе нравятся преподаватели?

Ему явно очень хотелось сдержать обещание, данное Счастливику Люку. Папа жаждал лично проконтролировать, что в этом году я буду вести себя как следует. Я кивнул для пущей убедительности.

– Видишь ли, мой мальчик, учебный год только начинается. И главное – начать его хорошо. Не слишком быстро, но всё равно живенько. Конечно, надо действовать осторожно... чтобы не выдохнуться на старте.

Он положил руку мне на плечо.

– Жизнь, старик, – это горный этап «Тур де Франс», а не спринт на велотреке. Запомни. Где отец нахватался этих истин? Вот и он туда же – заговорил загадками.

– Знаешь, пап, я не люблю горы, они скользкие, а от велосипеда болит задница. Так что не обижайся, но, если хочешь меня подбодрить и научить жизни, придумай что-нибудь другое.

Мы убрали со стола и уселись друг напротив друга в старые глубокие кресла. Я начал первый, потому что вчера проиграл:

– Когда Панар и Левассор⁵ запатентовали крепление двигателя на раме автомобиля в трех точках?

Он поразмыслил несколько секунд и пожал плечами.

– Легко: 14 января 1901-го. Моя очередь: первое использование радиатора в «панаре», год?

Я закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Первый радиатор... первый радиатор...

– Есть: 1897 год. И даже скажу, что это было на гонке Париж – Дьепп.

Отец восхищенно присвистнул и встал с кресла: его ждала работа.

– Удивительно, что ты наизусть выучил справочник Кребса, а...

Я догадывался, к чему всё это: он прав, однако можно было и не трогать эту тему.

– Я понял, папа, хватит, потому что потому, короче.

– Помнишь, раньше ты думал, что Нельсон Мандела⁶ – нападающий «Осера»?⁷

– Не издевайся.

---

⁴ То есть в прошлом учебном году. Пятый класс французского коллежа соответствует седьмому классу российской средней школы.

⁵ Основатели знаменитой автомобильной компании «Панар-Левассор». В 1886 году Рене Панар и Эмиль Левассор основали компанию «Панар-Левассор». Она стала одной из первых в мире, выпускающих автомобили на продажу.

⁶ Нельсон Мандела (1918–2013) – южноафриканский государственный и политический деятель. Его борьба с режимом апартеида в ЮАР во время действия романа была известна всему миру.

⁷ Французский футбольный клуб из одноименного города.

Мы рассмеялись, поддавшись нахлынувшему воспоминаниям, которые плавали и сталкивались друг с другом, как мыльные пузыри в воздухе.

– Вот увидишь, завтра я тебе такой вопрос придумаю – так просто не отвертишься, – сказал он, размахивая томиком Кребса, – ни за что не отгадаешь.

– Я тоже. И ты тоже не отгадаешь.

В комнате я взглянул на приклеенное к стене расписание и даже немного расстроился. Завтра первый урок в 8:30. Я вспомнил, что отец сказал про новый учебный год: «Главное – начать его хорошо. Не слишком быстро, но всё равно живенько». На прикроватной тумбе лежал роман Александра Дюма. Естественно, читать я его буду дольше, чем он писал. Я же дошел только до четвертой страницы. Конечно, я бы предпочел полистать справочник Кребса – что-то вроде библии «панара», – уж очень мне хотелось оставить папу с носом.

2

$$x - 2(4x + 1) = 4(2 - x) + 2$$

Вот она, моя первая проблема в этом учебном году. Не единственная, но первая. Я покопался в голове: что там осталось с прошлого года? Пустота. Я повернулся к Хайсаму, который уже отложил ручку, и подумал: может, хотя бы на этот раз он не знает решения? Однако по одному загадочному прищуру было ясно, что уважаемый египтянин уже закончил вычисления. Я бросил в его сторону взгляд, полный безысходности, но в ответ Хайсам лишь слегка приподнял свою лапу над партой. Обычно он делал так в знак ободрения: не беспокойся, всё утрясется, пусть и не лучшим образом, но утрясется. Впрочем, я в любом случае волновался за свои пробелы в знаниях.

Я тайком взглянул на учительницу математики. Она перемещалась с забавным постукиванием, поскольку прихрамывала, а иногда даже ходила на двух костылях, напоминавших спицы, которыми она, казалось, вывязывала урок. Всезнайка Хайсам как-то сказал мне, что преподаватель математики очень несчастна, потому что давным-давно потеряла ребенка. Я же подумал, что именно поэтому учительница теперь заставляет нас решать уравнения. Однажды я спросил Хайсама: «А может, она до сих пор так и носит своего мертвого ребенка в правой ноге?» Он как-то странно посмотрел на меня, широко раскрыв рот (это было у него признаком глубоких раздумий), а потом положил руку мне на плечо.

– Возможно, для тебя еще не всё потеряно, старина.

Кажется, он глубоко впечатлился моим наблюдением, даже восхитился и именно с этого момента начал воспринимать меня чуть более серьезно. Я же подумал, что это просто офигенно – так приподняться в его глазах.

Я делал вид, что пишу, чтобы никто ничего не заподозрил. К счастью, прозвенел звонок.

В конце дня Хайсам старательно укладывал вещи в свой шкафчик. Я болтался в стороне, но, поскольку мой друг не спешил, пришлось идти в комнату его отца одному. В тот день наш консьерж водрузил на голову потрясающую красную феску, придававшую ему вид древнего владыки. Маленькая золотистая кисточка, которая свисала с фески на бархатной ленте, буквально гипнотизировала меня.

Воспользовавшись отсутствием моего уважаемого египтянина, я попытался раскрыть некоторые интересные меня тайны.

– Месье, – спросил я, – можете мне объяснить, почему вы называли Хайсама египетским именем, хотя вы турок? А еще любопытно, почему вы справляете шаббат в пятницу вечером?

– А когда его нужно справлять, по-твоему? В среду утром? Или же в понедельник днем?

Он улыбнулся, и я понял, что отец Хайсама шутит.

– Я хочу сказать, что это не совсем турецкий обычай – справлять шаббат, да и не египетский тоже.

Он успокаивающе приподнял руку, очень напомнив мне этим жестом Хайсама.

– Как знать! Как знать!..

Наконец появился Хайсам. Я попросил его объяснить урок математики, ну потому что, блин... эти уравнения!.. Мы уселись в глубине комнатки, чтобы нам никто не мешал.

– Что именно тебе непонятно? – спросил он.

Выглядел Хайсам очень спокойно.

– Короче, хочу знать, как быть с этой заразой иксом.

$x - 2(4x + 1) = 4(2 - x) + 2$. Не люблю критиковать науку, но это уже ни в какие рамки!

– Здесь нет ничего сложного. Попробуй упростить.

Он закинул в рот огромный кусок лукума и принялся старательно жевать, странно на меня посматривая. Я спросил:

- Упростить что?
  - Уравнение, что же еще. Что еще ты собрался упрощать?
  - Я не понимаю.
  - Смотри. Надо раскрыть скобки, получится: $x - 8x - 2 = 8 - 4x + 2$. Согласен?
- Я пожал плечами.
- А дальше что? Это же еще не конец?
  - Нет, балбес. Дальше надо перебросить все иксы влево, а остальное – вправо.
  - Хорошо. Тогда получится... $x - 8x + 4x = 8 + 2 + 2$.
  - Ну вот. А теперь что делаем?
  - Не знаю. Ну, пойдем в футбол поиграем?

Он чуть не подавился лукумом: казалось, будто сахарная пудра заполнила его глаза изнутри и они превратились в два маленьких снежка.

- Да нет же, тупица, ты еще не решил уравнение. Тебе нужно найти значение икс!

У меня слезы навернулись. Я вспомнил о папе, который подарил мне «Трех мушкетеров», который был лучшим в классе, которого отчитал по полной Счастливчик Люк и который делал всё, чтобы за мной присматривать... А я... меня нокаутировал первый же икс в учебном году.

- Итак, – продолжил Хайсам, успокоившись, – надо упростить. Упрощай.
- Ладно, упрощаю, упрощаю, куда уж проще... Вот, получилось:
- $3x = 12$.
- Теперь надо поделить на – 3!

– Само собой... Ой! Но мне кажется, как-то не очень: $x = 12: (-3)$ ... Наверняка я где-то просчитался...

- Нет, всё правильно, получается $x = -4$. Так тебе больше нравится?

– Честное слово, не понимаю, зачем всё это вообще нужно, но мне нравится. Хотя я и не уверен, что смогу проверить то же самое в одиночку. Гарантировать не могу.

– Интересно, что ты будешь делать, когда появится несколько неизвестных, – произнес он, глотая еще один сладкий кубик.

- А что, так бывает?
- В математике всякое бывает...
- Как ты всему этому научился?
- Да никак. В этом нет моей заслуги: египтяне всегда были великими математиками.
- А турки, которые соблюдают шаббат?
- И турки тоже. Даже те, которые соблюдают шаббат.

* * *

На следующей неделе дела пошли только хуже, и я заметил, что обстоятельствам вообще свойственно усложняться. Всё началось с учителя географии, который взбесился, раздавая нам проверенные контрольные. На вопрос о климате в Ницце я ответил: «В этом регионе идет снег и иногда случается отлив». Я-то себя понял, но, похоже, только я один. Весь класс взорвался от хохота, особенно несколько тощих девчонок – казалось, они не смеются, а теоремы математические зачитывают. Такие все из себя правильные, что, даже когда пугают, уверен, не воняет. Хайсам тоже улыбнулся, но как-то мягко, по-дружески. Ну забыл я выучить всякое там про климат из-за поршневых пальцев. Папа хотел заменить поршни с четырьмя канавками на поршни с пятью канавками. Поэтому пришлось всё разобрать и вытащить из поршней хромированные пальцы. Мы заглянули в справочник Кребса, за которым я сбегал в свою комнату, и поняли, что нужно слегка подрегулировать головку шатуна, чтобы поршни не заедало, – а что было дальше, вы знаете. Из-за этой истории я совсем позабыл о климате в Ницце. Хотя и не имею ничего против географии. Один раз отец моего уважаемого египтянина показал мне

на карте, где находится Египет, и я увидел, что в этой стране повсюду вода, ну, кроме мест, где пустыня.

– А Турция? – спросил я его.

Он уверенно ткнул в карту на стене. Его гладкий, как жемчужина, ноготь сухо шелкнул по поверхности.

– Вот она, Турция. Прямо здесь.

– Надо же, забавно. Я думал, это Индия.

На перемене после урока географии я стоял в одиночестве, размышляя, что скажет папа и как мне оправдаться. Я наблюдал за летающими туда-сюда мячами и думал, что просто не создан для учебы. Мне показалось, девчонки из класса смеются надо мной, потому что они смотрели в небо и громко спрашивали: «Интересно, когда же пойдет снег...» А потом вертели своими тощими задами и хихикали. Хайсам куда-то запропастился, и я не знал, где искать поддержки. Я вспомнил, как отец застал меня врасплох: «Какие нововведения случились в „панаре“ во время гонки Париж – Берлин в 1901 году?» Даже в справочнике Кребса не было ответа.

В общем, я был не в духе и отказывался от всех предложений поиграть, надеясь хорошенько обмозговать ситуацию – а это в жизни суперважно. Я уже представлял себе папу в кабинете директрисы, да еще и Счастливого Люка, который снова отчитывает его по полной, и мне любой ценой хотелось избежать этого, чтобы не ранить отцовские чувства. Еще я вспомнил об Александре Дюма, который, даже не зная нас, приложил столько усилий, чтобы развлечь и научить всяким историческим штуковинам. Я поклялся прочесть сегодня вечером минимум двадцать страниц «Трех мушкетеров», однако остановился в итоге на пятнадцати, поскольку надо разумно рассчитывать свои силы, чтобы потом не выдохнуться.

Прозвенел звонок с перемены, и я уже не знал, хороший это знак или плохой. Полный сомнений, я встал в шеренгу одноклассников в ожидании учителя физкультуры и еще раз вспомнил про папу и его блестящее школьное прошлое, чтобы придать себе сил. Спорт точно приведет меня в чувство.

Полчаса спустя, оказавшись в кабинете Счастливого Люка, я понял, что спорт приносит мне столько же удачи, сколько и климат в Ницце. Завуч стоял прямо передо мной, широко расставив ноги, и казалось, он вот-вот выхватит револьвер и пустит пулю мне прямо в лоб.

– Я полагал, мы всё обсудили и поняли друг друга... не так ли?.. Думал, ты сделал нужные выводы... и решил вести себя лучше...

– Да... то есть нет!

– Что значит «да, то есть нет»?

– Короче, я пытаюсь сказать, что да, выводы я сделал и начал пытаться, но иногда слова сами по себе вырываются...

– Подведем итог... Учитель физкультуры выстроил вас в шеренгу...

– Да, и пошел за ключами от спортзала...

– Вы все построились и ждали его, так?

– Так и было, месье, ждали. Всё именно так, как вы говорите...

– И именно в этот момент ты решил отличиться... Можешь еще раз повторить, что ты там сказал?

Я почесал подбородок. Ситуация действительно была безвыходная. Я подумал, что бы сделал на моем месте д'Артаньян.

– Вы просите меня повторить...

– Да...

– Если для того, чтобы мне стало стыдно, то это не очень любезно с вашей стороны...

– Говори, или я позвоню твоему отцу!

Он сделал вид, что уже тянется к телефону и ищет номер. Я запаниковал ужасно, потому что понял, что Счастливчик Люк знает, как меня подловить.

– То есть повторить?

– Да.

– Ну, мы построились и ждали. Вдруг начался дождь. Знаете, месье Люк... то есть месье Геноле, когда огромные капли летнего дождя, похожие на мух, разбиваются о еще сухую плитку...

– Избавь меня от своих литературных описаний...

– Но литература очень важна, месье...

– Мне всё равно, я хочу, чтобы ты повторил то, что сказал там, в шеренге...

– Вы читали «Трех мушкетеров» Александра Дюма, месье?

– Нет, я не читал «Трех мушкетеров»... А что? Ты прочитал?

– Да... то есть почти... А вы знали, что Александру Дюма понадобилось целых три года, чтобы написать эту книгу? По одному на каждого мушкетера...

– Нет, я не знал...

Вдруг он снова вернулся к теме разговора:

– Ладно. Ну? Я по-прежнему хочу знать, что ты там сказал...

– Что я там сказал? Вы действительно хотите знать? Короче, я сказал: «Ну и что нам теперь дальше делать? Петушка теревить?»

На несколько секунд завуч потерял дар речи, словно до сих пор не расслышал моей фразы. Мне показалось, он вот-вот улыбнется – ну или расплачется, было сложно сказать.

– Ты меня расстраиваешь, мой мальчик, так расстраиваешь, ведь ты же неплохой парень...

– Конечно, месье.

– И можешь многого добиться...

– Наверняка, месье. Тут вопрос в подходе к учебе, как говорят специалисты.

– Ну что, порадуем твоего отца?

Зараза.

И вот оно, внезапное чудо. Я вдруг вспомнил статью из местной газеты, в которую папа заворачивал испачканные инструменты. Ход конем. Прямо битва д'Артаньяна и де Жюссака.

– Слушайте, месье, я сейчас немного ухожу от темы, но вы просто отлично выступили на гонке в воскресенье. Я уже было подумал, что противники вас догонят, но есть еще порох в пороховницах...

Туше. Прямо как Бикара со шпагой в бедре, только у этого – колёса в сердце. Счастливчик Люк действительно был чемпионом любительских велогонок и всё свободное время проводил в седле. Забавно думать, что вот у него уж точно всегда болит зад.

– Ты там был?

– Да, – сказал я, изо всех сил пытаюсь припомнить ту самую заметку в газете, – и могу вам сказать: так всех обставить! Да я такого никогда не видел. Даже на «Тур де Франс»! По моему, вы могли бы стать профессионалом, настоящим чемпионом.

– Возможно, но надо столько тренироваться... никогда не хотел: здоровье прежде всего!

– Вы правы... Здоровье – это очень важно... Но мне кажется, что самое главное в гонке – это не стартовать слишком быстро, чтобы не выдохнуться, прям как в учебном году... – Я надеялся, он оценит это сравнение. – Можно я пойду? А то уже темнеть начинает...

– И чтобы больше я не слышал о тебе никаких глупостей. И попробуй мне еще раз выразиться в подобном ключе. Тут же позвоню твоему отцу, и ему вряд ли это понравится.

– Это точно.

Я вышел из кабинета. Ну вот, со всеми этими приключениями пропустил школьный автобус. Издали я увидел, что Хайсам и его отец в каморке собираются сыграть партию в шахматы.

Мне хотелось пойти к ним, чтобы смотреть за игрой, объедаться лукумом и больше ни о чём не думать – что может быть лучше шахмат в такой ситуации? Однако я решил, что лучше отправиться домой, поскольку уже достаточно отличился за этот день. Уважаемый египтянин заметил меня издалека и поднял руку в знак приветствия. Из-за круглых очков в черепаховой оправе он по-прежнему походил на большую тихую сову. Бесконечно умиротворенную.

* * *

Пока я добирался до дома пешком, солнце уже начало спускаться за деревья. Я пошел через небольшой лес, который тянулся вдоль дороги. Здесь, среди деревьев, наш учитель биологии разбил прудик и наблюдал за головастиками и лягушками. В прошлом году я додумался вылить туда средство для мытья посуды, отчего некоторые лягушки подошли – их нашли потом пузом кверху, – а другим я серьезно навредил. Убийство амфибий вышло совершенно случайно – я поклялся в этом Счастливчику Люку. Однако он поверил мне только наполовину, и, чтобы доказать мою любовь к природе и возместить ущерб, мне пришлось все зимние каникулы ухаживать за прудом. Потом, в том же году, месье Дюбуа всё равно заставил нас изучать лягушачьи рефлексы: он разрезал одну из них и нацепил кучу электродов. Да уж, ну и стоило после такого учить меня уважению к лягушкам и любви к животным.

Я спустился по склону и обогнул громадные дома у въезда в деревню. Прямо возле церкви я столкнулся с девочкой из моего класса. Мари... Мари что-то там... не помню уже. Сперва я подумал развернуться и пойти в другую сторону, потому что ну правда... Но так как она тоже шла по направлению к деревне, а я и так уже всюду опаздывал, я просто замедлил ход, стараясь случайно ее не перегнать. Но девчонка повернулась, увидела меня и, вместо того чтобы сбежать, как я надеялся, остановилась и помахала рукой. Я крепко влип.

– Думаешь, сегодня пойдет снег? – спросила она.

– Эй! Ну хватит! Как будто ты никогда не несешь всякую хре... чушь?!

Девочка задумалась над ответом.

– Знаешь, нет, никогда такого не было.

Не похоже, чтобы она сильно этому обрадовалась.

– И вообще всё это из-за папиных поршневых пальцев, но ты вряд ли поймешь.

– Думаешь?

Что-то упорно вертелось на языке... Ее имя... Мари... Мари... Мари... что же там?

– Это точно, поверь, – произнес я наконец.

Чтобы так ответить, я принял серьезный вид, потому как уж в этом вопросе я был уверен. Нет, здесь меня не провести, я точно покажу себя с лучшей стороны. Тут я тоже ошибся, но это вы потом увидите. За несколько минут мы не произнесли ни слова. Моя голова была занята поисками ее имени... Оно так и вертелось на языке, но всё время ускользало. Я тайком поглядывал на девчонку. Волосы у нее были рыжие, такие сильно кудрявые и закрывали половину лица, разлетаясь во все стороны. Она казалась аккуратной, как японская куколка. А я вспомнил, что уже три дня не мылся в душе, и тут же поклялся себе исправить положение сегодня вечером – ради самоуважения, чего там! Я задумался, чем бы таким ее поразить, потому что история с Ниццей раздражала меня, задевая гордость. Вдруг мне пришла в голову идея:

– Хочу спросить... Ты уже читала книги Александра Дюма?

– Отца или сына?

– В смысле, отца или сына?

– Александра Дюма-отца или Александра Дюма-сына?

Я больше ничего не понимал, всё опять начало усложняться, и я решил, что разузнаю об этом попозже, а сейчас надо срочно сменить тему разговора. Я попытался вспомнить хоть

что-нибудь, где я точно не сможу чушь. Вдруг я взглянул на ее правую руку. Она носила огромное кольцо, поэтому я решил сделать ей комплимент:

– Какая граната на кольце⁸. Оно настоящее?

Я не сразу понял, почему девочка посмотрела на меня, словно на пришельца. Она даже не знала, что ответить, как будто мы разговаривали на разных языках. Я снова начал:

– Кажется, тебе интересны всякие там научные штуки.

Она немного растерялась от очередного поворота в разговоре и нахмурилась. Наверняка подумала, что я пытаюсь ее закадрить или что-то в этом роде.

– А тебе неинтересны?

Наконец-то, вот оно. Ее имя – Мари-Жозе.

– Конечно, – ответил я как можно убедительнее, – конечно, тоже интересны. Но не каждый день.

– Мне вот показался очень полезным урок биологии о глазах.

Мари-Жозе выглядела задумчивой и какой-то далекой. Она продолжала, словно про себя:

– Удивительно, что происходит с радужной и роговой оболочками...

– Тоже видела, да? – спросил я. – Когда он начал объяснять, как можно ослепнуть из-за этой хре... этой штуковины, роговицы...

Мы проходили мимо булочной, когда я заметил, что солнце уже село и начало смеркаться. Вдруг Мари-Жозе остановилась, повернулась ко мне и сказала с улыбкой в голосе:

– Когда ты ослепнешь, то не увидишь снега в Ницце, равно как не узнаешь, отлив это или прилив. Весьма печально, особенно когда так любишь этот регион и его климат...

Она повернулась спиной, на том мы и распрощались. А для меня это было полное унижение.

Унижение: состояние, чувство того, кого уязвили или унизили. См. также Уязвить. Ранить самолюбие.

В этом определении содержалось как минимум два непонятных мне слова. Если нужно быть специалистом, чтобы понять определение, то зачем это вообще надо?

* * *

Когда я вернулся домой, то тут же задал папе вопрос, который не давал мне покоя:

– Пап, серьезно, вот ты знал, что было два Александра Дюма?

Он оторвался от «Объявлений для профессионалов и любителей», в которые всегда погружался с головой.

– Да, отец и сын.

Я вздохнул с болью.

– Почему ты так вздыхаешь?

– Ну, я вижу, что много людей знают кучу вещей, о которых я даже не слышал... По дороге из школы я встретил одноклассницу, так вот, она уже в курсе, что было два Александра Дюма. Я больше никогда не заговорю с ней о «Трех мушкетерах». А Хайсам небось вообще сто лет об этом знает... Ну вот зачем, скажи, Александр Дюма дал своему сыну такое же имя?

– Понятия не имею. Может, хотел, чтобы тот писал книги, как отец, поэтому подумал, что такое имя принесет ему удачу.

– Забавный обычай. А кто написал «Трех мушкетеров», отец или сын?

---

⁸ Конечно, Виктор имел в виду полудрагоценный камень гранат темно-красного цвета. С ним такие ошибки довольно часто случаются.

- Отец.
- Я так и подумал...
- Почему это?
- Гораздо больше похоже на книгу отца, чем сына.

Дом полностью погрузился во тьму, и мне стало интересно, как папе удастся до сих пор делать заметки в «Объявлениях», где такой мелкий шрифт. Я включил лампу на буфете и открыл рюкзак, чтобы вытащить из него вещи.

– ...Наверняка книги его сына, сына Александра Дюма, менее удачные и образовательные. А что он вообще написал?

– Я уже не помню. Что-то вроде «Черного тюльпана», кажется, и еще «Даму с камелиями». Красивая история о женщине с цветами. Она была влюблена и больна одновременно.

Затем папа снова погрузился в «Объявления для профессионалов и любителей» – это был небольшой журналчик, который он в свое время придумал, чтобы самые разные коллекционеры могли общаться между собой. Но больше всего меня восхищало в папе то, что в своем журнале он сам предлагал любителям старья разные штуки. В городе у него было что-то типа склада, где отец хранил всякий хлам, пока на него не найдется покупатель. «Канада» – так мы называли этот склад – досталась ему от бабушки. Это странное место разрослось в моих фантазиях до размеров целой сказочной страны. Я никогда там не был и даже понятия не имел, почему отец назвал свой склад «Канадой». Но я точно знал, что однажды увижу это место и в моей жизни начнется новая глава.

– Папа?

Он оторвался от журнала. У него были красивые голубые глаза, немного влажные, и мне всегда казалось, что он вот-вот расплачется.

– Да?

– А твой папа поступал так же, как ты со мной? Он следил за твоими школьными делами?

Папа надел колпачок на ручку, посмотрел на меня взглядом, полным нежности, и нарисовал в воздухе длинную макаронину.

– Он приехал из Польши перед самой войной, а как только мир восстановился, начал продавать всякий металлолом... Когда стало получаться, то он был слишком занят в «Канаде», чтобы пристально за мной следить...

– То есть ты сам заделался таким крутым?

Он кивнул, задержав дыхание, и это было потрясающе.

– Пап, скажи, а ты очень любил своего папу?

Он застенчиво улыбнулся – скромность и всё такое – и снял колпачок с ручки. А я подумал, что папа сейчас ускользнет от меня, прям как рыба с крючка.

– Я не уверен, хорошо ли его знал... Сегодня, когда я обо всем этом вспоминаю, даже спрашиваю себя, действительно ли он существовал. Думаешь, отец и сын много знают друг о друге?

Папин взгляд внезапно стал странно-серьезным. Вокруг повисла суперторжественная атмосфера, однако философские грозы могли разразиться в любой момент.

– Да ладно, пап, мы ж с тобой прекрасно знакомы, разве нет? А мой друг Хайсам и его отец тоже знают друг друга, как шахматную доску...

Он задумался на несколько секунд. Казалось, мыслями он был где-то далеко.

– Да, ты прав. Мы с тобой друг друга знаем. Да, знаем...

Вид у него был не очень уверенный.

– У меня есть еще пара вопросов, но это неважно.

– Да давай уж.

– Ну для начала, мне интересно, как учителя покупают туалетную бумагу, прямо вот так, у всех на глазах?

– Я тоже задавался этим вопросом в твоём возрасте. До сих пор не знаю ответа. А второй вопрос?

– Что на ужин?

– Лягушачьи лапки.

3

Я ужасно восхищался тем, как мой египетский друг и его турецкий отец умудрялись запоминать один в один огромное количество шахматных партий, которые по той или иной причине прославились на весь мир. Поздно вечером либо рано утром они могли разыграть, например, партию между Багировым⁹ и Гуфельдом¹⁰ 1973 года, или же матчи Решевского¹¹ (любимого игрока моего дорогого Хайсама) с Авербахом¹² в 1953 году или с Бобби Фишером¹³ в 1961-м. Так Хайсам путешествовал во времени и пространстве, не выходя за пределы шестидесяти четырех черно-белых клеточек.

Хайсам каждый раз комментировал ходы, как будто я что-то мог понять в этой сложной игре – настолько сложной, что ее даже называли игрой королей и королевой игр. Но мне очень хотелось быть на высоте.

– Видишь ли, – учил он меня шепотом, – Решевский был довольно скрытным игроком. И совершенно непредсказуемым. Он не любил ни гармонии, ни прозрачности, но обожал странные ходы, которые совершенно сбивали с толку соперника!

– Надо же...

– Ну конечно! А еще он был приверженцем защиты Нимцовича¹⁴, чтобы избежать сдвоения пешек...

Я прикидывался, что догадываюсь, о чём речь, и ценю предмет беседы.

– Ты же хотя бы примерно понимаешь, о чём я? – спрашивал меня Хайсам.

– Ну конечно же да!

И глаза моего друга улыбались за толстыми стеклами очков.

Наверняка он делал вид, будто верит, что я могу понять хоть что-нибудь в этой игре, которая была еще посложнее уравнений с одним неизвестным (а это уже нечто невероятно трудное). Хайсам был ко мне очень добр.

– Видишь, – говорил он, показывая на своего отца, который только что сделал ход, – Авербаха критиковали за такой ход, потому что конь находится теперь на g3. Лучше бы он пошел восьмым ходом на c5.

– Я так тоже подумал...

Однажды я спросил уважаемого египтянина: зачем играть партии, которые уже кто-то сыграл в прошлом и все знают, чем это закончилось.

– Это как повторять таблицу умножения...

– Ты это специально, чтобы побесить меня?

– Нет, я это для сравнения...

– Как там твоего игрока?

– Решевский?

– Да, он самый. Наверняка вот у него не было никаких проблем ни с таблицей умножения, ни с уравнениями, ни с неизвестными...

---

⁹ Владимир Константинович Багиров (1936–2000) – советский, латвийский шахматист, гроссмейстер, известный шахматный тренер, работал с Г. Каспаровым.

¹⁰ Эдуард Ефимович Гуфельд (1936–2002) – советский, американский шахматист, гроссмейстер.

¹¹ Самуэль Решевский (1911–1992) – знаменитый американский шахматист, вундеркинд, гроссмейстер.

¹² Юрий Львович Авербах (род. 1922) – российский шахматист, международный гроссмейстер, шахматный композитор.

¹³ Роберт (Бобби) Фишер – американский гроссмейстер, одиннадцатый чемпион мира по шахматам, отличался экстравагантным поведением.

¹⁴ Аарон Исаевич Нимцович (1886–1935) – знаменитый шахматист и теоретик шахмат.

– Конечно не было. В шесть лет он уже играл в шахматы одновременно с двадцатью взрослыми. Его называли «маэстро лазеек» из-за развитого инстинкта самосохранения и способности вывернуться даже из самых безвыходных ситуаций.

– Короче, он был экспертом... Как и Александр Дюма.

Хайсам улыбнулся, а я подумал, что наверняка опять сморозил глупость.

– Можно и так сказать. Но твой Александр Дюма больше всего на свете любил объедаться и волочиться за юбками!

Я не осмелился возразить, потому что не хватало знаний, но всё-таки пообещал себе попозже проверить эту информацию. Я попытался исправить положение:

– Ну знаешь, писать книжки он тоже любил...

– Конечно любил, но не настолько.

– Ясное дело, за юбками волочиться веселее!

Мы подошли к кабинету математики и встали у стены, чтобы пропустить школьников, которые спешили покинуть класс после окончания предыдущего урока. Я поискал глазами Мари-Жозе и заметил копну ее рыжих кудрявых волос. «Насколько же она выше меня, – подумалось мне, – и вся такая аккуратная, с четкими, чистыми линиями, ну как бы ни одной помарки на полях». Я вспомнил еще, что говорил папа, когда хотел пробудить любовь к чистоте: «Заботься о своих ногах, ноги – это то, что отличает тебя от остальных». И тут я опустил глаза и увидел, что носки Мари-Жозе безупречны: супербелые и тщательно натянуты.

Я совершенно расплывался на ее фоне, словно в воздухе растворялся.

Как только все зашли в класс, нам раздали листочки со всякими фигурами и вопросами, и я тут же понял, что всё очень сложно. А ведь накануне я провел вечер, штудирюя справочник Кребса и разные журналы, чтобы наконец-то ответить на папин вопрос о новшествах во время гонки Париж – Берлин 1901 года, но уснул, так и не найдя нужных сведений, и забыл подготовиться к уроку. В поисках вдохновения я поточил карандаш, а затем прочел задачу:

Построй равнобедренный треугольник ABC с вершиной A . Пусть точка E – симметричное отображение точки A относительно отрезка BC . Пусть точка

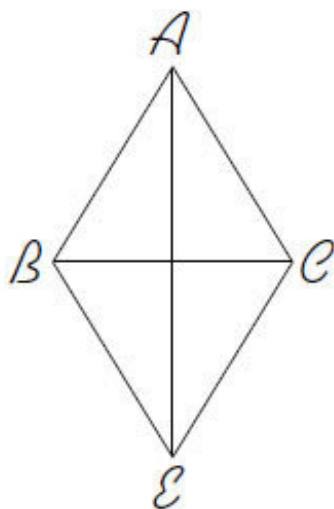
B – параллельный перенос точки A на вектор $\vec{p}\vec{p}$. Докажи, что точка E –

параллельный перенос точки C на вектор $\vec{p}\vec{p}$.

Ну просто высшая математика. Я вспомнил об игроке Решевском, о котором рассказывал мой уважаемый египтянин. Как бы мне хотелось быть таким, как он, – «маэстро лазеек». А еще обладать потрясающим инстинктом самосохранения, который позволил бы победить все треугольники мира, – но как бы не так! Чтобы немного потянуть время, я уронил металлическую линейку, отчего все встrepенулись, а наша хромая учительница сделала мне замечание:

– Виктор! Пересядь... Собери вещи и садись... вон там, рядом с Мари-Жозе. Так по крайней мере ты не будешь отвлекаться...

Усаживаясь за парту Мари-Жозе, я хотел ей улыбнуться, но ту полностью поглотила контрольная: она исписала свой листок почерком таким же аккуратным и ровным, как и ее носки. Я же подумал, что ей лучше бы не видеть ни моего почерка, ни моих носков – насквозь дырявых, да еще и с рваной резинкой. Потом я снова замечтался, а когда очнулся, передо мной лежал черновик, на котором было написано:

ABC — равнобедренный треугольник с вершиной A , следовательно, $AB = AC$.

Точка E — симметричное отображение точки A относительно отрезка BC , следовательно, $AC = EC$ и $AB = EB$.

$EC = AC = AB = EB$.

Следовательно, $ABCE$ — ромб и параллелограмм.

Следовательно, точка E — параллельный перенос точки C на вектор $\vec{r}\vec{r}$.

Такого точно со мной никогда не случилось. Я оглянулся в поисках того, кто сделал для меня доброе дело, однако никого не заметил. Сидевший в другом конце класса Хайсам точно был ни при чём. Он снял большие очки и блуждал взглядом где-то далеко-далеко за горизонтом. Мой друг был похож на огромную птицу, выпавшую из гнезда. Такой одновременно хрупкий и бессмертный. Я перестал задаваться вопросами, решив подумать об этом позже, и принялся старательно списывать.

Во время перемены я хотел спросить Мари-Жозе: не она ли сотворила чудо? Но не нашел ее. Она оказалась не из тех, кто болтался по туалетах, как другие девчонки. Тогда я отправился в библиотеку коллежа — более подходящее для нее место, как мне показалось. Это что-то типа хранилища разных сведений, где можно узнать всё что угодно. Сам я, правда, раньше там никогда не бывал. По телевизору я слышал, что иногда библиотеки называют «храмом культуры». А я старался держаться подальше от храмов, да и от культуры тоже.

Там Мари-Жозе тоже не наблюдалось. Я сделал вид, что ищу книгу, и, чтобы как-то объяснить свое присутствие здесь, открыл наугад словарь.

Камелия. Название, которое Карл Линней¹⁵ дал вечнозеленому кустарнику с овальными блестящими листьями и большими цветами. В честь ботаника о. Камеля. «Дама с камелиями» — роман Александра Дюма-сына.

Довольный найденной информацией, я подумал, что Александр Дюма-сын тоже, вполне вероятно, выбрал этот цветок в честь своего отца, который очень устал, написав «Трех мушкетеров» — настолько познавательный роман, что по нему теперь снимают фильмы. Да, Дюма-сына нельзя назвать неблагодарным. Я решил обязательно рассказать обо всём папе — ведь это реальное доказательство того, что между отцом и сыном может происходить нечто важное.

¹⁵ Карл Линней (1707–1778) — шведский естествоиспытатель и медик, создатель единой системы классификации растительного и животного мира.

Отложив словарь, я увидел, как Мари-Жозе возвращает книгу библиотекарю. Дождавшись, когда она выйдет, я отправился за ней и уже собрался позвать, но Мари-Жозе поджидала компания воображал-подружек, и я передумал.

Последний урок мы провели, препарировав бычьи глаза. Нас разбили по парам. Хайсам орудовал скальпелем, а я записывал. Я пытался встретиться взглядом с Мари-Жозе, но впустую, потому что она не отрывала своих глаз от бычьих. Затем месье Дюбуа начертил схемы, чтобы показать, как видит бык, и я запомнил, как он нарисовал маленький поезд напротив глаза, чтобы было понятнее. Для нас всё работало примерно так же. В какой-то момент Мари-Жозе задала заумный вопрос, смысл которого от меня ускользнул из-за сложных словечек. Месье Дюбуа очень удивился, а Мари-Жозе уточнила:

– Просто мой отец – врач, поэтому я спросила...

Когда все вышли из класса, я сделал вид, что никуда не спешу, в надежде пропустить Мари-Жозе вперед и пойти за ней. Но столкнулся со Счастливым Люком. Мой план с треском провалился, потому что направлялся он прямо ко мне, да и вообще это был плохой знак. Я думал, думал, что же такого сделать, но не находил. Наверное, у меня всё на лице написано. Может, завуч уже рассказали о чуде на уроке геометрии, и он теперь меня подозревает?

– Как дела, Виктор?

Вид у него был дружелюбный, что меня немного успокоило, однако он казался каким-то нервным.

– Хорошо, а у вас? Как же вам не повезло в прошлое воскресенье... Щебень на спуске, какая жалость!

Счастливчик Люк пожал плечами.

– Всё хочу тебя кое о чём спросить.

– Да?

– Скажи, кто написал «Трех мушкетеров»: Дюма-сын или отец?

Он скрестил руки на груди и смотрел на меня таким взглядом, будто сейчас перед ним откроются тайны Вселенной.

– Конечно же, Александр Дюма-отец. Сын писал всякие истории о цветах, которые не отличались крепким здоровьем.

– Надо же... странная семейка.

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что чтение требует... гм... длинных этапов.

Я вспомнил о символичной манере выражаться моего египтянина, которого тоже сложно понять с первого раза, и подумал, не заразно ли это.

– То есть у вас тоже всё туманно с языком? – спросил я Счастливого Люка.

– Бла-бла-бла... Я же себя понимаю. Кстати, нельзя слоняться по коридорам.

И я быстренько сбежал, потому что не хотел, чтобы всё полетело в тартарары. Встречи с представителями власти не всегда проходят удачно.

Едва оказавшись на улице, я посмотрел по сторонам, разыскивая Мари-Жозе. Ее силуэт виднелся уже далеко. Она шла одна, а это редкость, и, если я хотел воспользоваться случаем, следовало поторопиться.

Я перешел на шаг метрах в двадцати от нее, но девчонка всё равно обернулась, потому что я пыхтел, как выбросившийся на берег кит. Ее кудри рассыпались по лицу из-за внезапного порыва ветра. Казалось, именно такой ветер нагоняет на землю ночь.

– Ты тоже живешь в деревне? – спросила она.

– На выезде, прямо за гаражом. Ты редко ходишь без подружек. Кажется, вы отлично ладите.

– Я вижу с ними только в коллеже, а после... Мне кажется, они такие...

– Тошие воображалы?

Я тут же прижал ладонь к губам, поскольку понял, что сморозил что-то неподобающее. Я покраснел, что меня удивило, и захотел бежать со всех ног, но уже выдохся и не мог сдвинуться с места. Мари-Жозе всё-таки улыбнулась, но едва-едва. Казалось, она думает над ответом.

– Я бы вряд ли так выразилась, но, в общем, я понимаю, о чём ты.

Мы молча дошли до огромных домов на въезде в деревню. Внезапно я ляпнул:

– Кстати, спасибо за решения с этим треугольником, ровно... равно...

– ...бедренным?

– Да, бедренным.

– Тебе не за что меня благодарить, я здесь совершенно ни при чём. Я даже понятия не имела, что ты написал...

Так как мы шли мимо церкви, а я не знал, как выкрутиться, я просто сказал:

– Тогда не вижу других объяснений: это чудо. А когда случается чудо, надо благодарить Бога. Я так обычно не делаю, но ладно.

Я стрелой помчался в церковь и опустился на колени на специальную... молельную штук-ковину. Я произнес молитву собственного сочинения в честь бога всех геометров и треуголь-ников, равнобедренных и не только. Силуэт Мари-Жозе виднелся в дверном проеме, как в театре теней, словно какой-то древний призрак, а мои слова разносились по церкви со звуком хлюпающей в раковине воды.

Оказавшись на улице, я попытался принять вид, достойный торжественного момента.

– А ты забавнее, чем я предполагала, – задумчиво произнесла она.

Несмотря на сумерки, я разглядел на ее лице странную улыбку – непонятно, правда, сме-ялась ли Мари-Жозе надо мной или же ей было грустно, а может, и то и другое одновременно. Вдруг она остановилась и показала на ворота.

– Вот, мы пришли.

– Знаешь, забавно...

– Что же тут забавного?..

– Ну, ты говорила, твой отец... врач, а тут нет таблички...

– Во-первых, не все врачи вешают таблички у входа; например, те, кто работает в боль-нице... А во-вторых, мой отец не врач.

– Зачем же ты соврала месье Дюбуа?

– А разве я спрашиваю, зачем ты сразу после обеда украл бумагу из женского туалета и спрятал ее под умывальником? А у нас весь день болел живот!

Я пожал плечами.

– То есть ты уверена, что не давала мне ответов к контрольной?

– Конечно уверена. Зачем мне это делать, можешь объяснить?

Мари-Жозе открыла ворота большим ключом, и я успел разглядеть за ними огромный сад – настоящий парк. Она уже собиралась исчезнуть, как вдруг обернулась и сказала:

– Если хочешь, можешь зайти как-нибудь ко мне позаниматься.

Я был польщен, но слово «позаниматься» всё равно меня немного раздражало.

* * *

Тем же вечером я оставил папу в компании «Объявлений для профессионалов и люби-телей». Он немного удивился, потому что обычно в пятницу вечером я охотно помогал ему делать пометки в журнале по поводу возможных заказов и доставок. Я сказал, что мне необхо-димо подвести итоги. А он такие вещи уважал и даже поощрял. Мы договорились встретиться следующим утром, чтобы покопаться в «панаре».

Я начал с того, что открыл словарь:

Чудо (лат. *miraculum*, «чудо, диво», от *mirari*¹⁶, «дивиться, удивляться»). *Необыкновенный факт, который обычно принимают за божественное благое вмешательство и наделяют духовной значимостью.*

Я подумал, что они там, в словаре, немного преувеличивают значение слова «чудо», но в целом согласился. В любом случае у меня маловато знаний обо всяких там божественных штучках. Я вытащил из письменного стола все книги, даже прошлогодние – вреда от них не будет. И тут наткнулся на малюсенький учебник, который мне дала одна дама – отец пару раз водил меня к ней из-за проблем с учебкой. Однако наши занятия как-то быстро прекратились, поскольку через месяц после нашей первой встречи она переехала и больше мы ее не видели. Папа сказал, что я тут ни при чём и она еще до нашей встречи решила так сделать, но всё же.

В начале этой книжки авторы, специалисты по чужим проблемам, предлагали пройти небольшой опрос, чтобы школьники вроде меня оценили положение дел, – очень мило с их стороны и внушает доверие. Я провел половину вечера, отвечая на вопросы, которые показались мне какой-то игрой. Затем, в зависимости от полученных баллов, надо было найти свое место в одной из предложенных категорий:

15/20 – 20/20: ты хорошо усвоил материал. Bravo! Можешь приступать к упражнениям.

8/20 – 14/20: у тебя есть трудности. Поищи ошибки и поработай над материалом, который ты не понял на занятиях, с помощью упражнений с комментариями.

0/20 – 7/20: у тебя большие трудности. Подробно изучи тему и сделай все упражнения с комментариями.

Короче, у меня большие трудности. Мне необходимо подробно изучить тему и сделать все упражнения. Такие результаты быстро вгоняют в тоску, стоит признать. Я пролистал содержание этого учебника: там было всякое про косинусы, плоскости, параллели, конусы, пропорции и много еще всего – я таких названий даже не выговарю. Я отшвырнул книжку в сторону, и она приземлилась, как блин, на электрогитару. «С чего же начать, чтобы наверстать?» – спросил я себя. Мне казалось, что я в лодке, которая протекает одновременно со всех сторон, а у меня не хватает пальцев, чтобы заткнуть эти дыры. Да я даже не смог найти ответ на вопрос про Париж – Берлин в 1901 году! Я вспомнил о Решевском. Хайсам рассказывал, что тот был потрясающим игроком, потому что вырос без тренера и без методики обучения и всего добился благодаря таланту. У меня тоже не было ни методики, ни тренера; правда, и таланта, чтобы всего добиться, кажется, тоже не наблюдалось. А сам я далеко не «маэстро лазеек»! Только чудо могло спасти ситуацию. Я спрашивал себя: что делать с приглашением Мари-Жозе прийти к ней позаниматься? С Хайсамом же всё иначе. Я столько раз вел себя при нем как придурок, но он не обращал внимания: у уважаемого египтянина душа принца, он никогда не осудит и всегда готов поддержать. С тех пор как я сказал, что учительница математики носит в правой ноге своего мертвого ребенка и что именно из-за его веса она хромот, Хайсам относится ко мне серьезно. Но вот понимает ли Мари-Жозе людей так же хорошо, как мой благородный египтянин?

* * *

– По правде говоря, я не на высоте, – заявил я отцу, который дергал рычаг переключения передач «панара».

Рано утром мы отправились по магистрали на юг. Мы давно выехали из деревни и теперь ехали вдоль густого леса. Деревья простирали к пустому небу свои огромные голые руки-ветки,

---

¹⁶ Конечно, наш герой узнал значение французского слова «miracle» («чудо»). А вот русское слово «чудо» имеет общеславянское происхождение и связано с глаголом «чути» (чувствовать). Кроме того, оно того же корня, что и «кудесник».

что выглядело необыкновенно в это тихое и спокойное утро. Я захватил с собой справочник Кребса и блокнот для записей о «панаре».

– На высоте чего? – поинтересовался папа.

– Ну, в целом не на высоте. Так говорят эти, из учебника, который мне дала мадам Пик в прошлом году. Помнишь, та милая дама, что переехала сразу после встречи со мной! Она еще сказала, чтобы я прошел тесты. Короче, теперь всё ясно: я совсем не на уровне. Они, конечно, очень милы в этой книге, пытаются не сбить с верного пути, не задеть гордость и достоинство таких, как я. Но всё равно кажется, что они нас за полных тупиц держат с этой добротой... а в конце концов я должен приготовиться к тому, что никогда из этой ситуации не выберусь. Остается надеяться на чудо...

– На что?

Отец нахмурился, пытаясь понять, словно я говорил на другом языке.

– На чудо, на божественное вмешательство, если хочешь...

– Может, тебе просто нужно больше времени, чем остальным? Очень хочется опустить руки в начале гонки... Но у тебя в запасе еще море топлива...

– Речь не о спорте! Ты вот знал, что один игрок в шахматы, Решевский, в шесть лет играл одновременно двадцать партий против взрослых и все выиграл? И даже без тренера...

– И что?

– И то, что я даже в домино играть не умею.

– Так ты никогда не учился...

– В этом и проблема... Вспомни... Дядя Зак как-то пытался научить меня играть в шахматы, но я не мог запомнить даже, как конем ходить... А этим летом Хайсам снова попытался объяснить мне правила, но они не запоминаются... Слишком много диагоналей в этой штуковине... И эта кляча действительно ходит по-дурацки!

– В мире много людей, которые не умеют играть в шахматы...

– Но у меня так везде: с косинусами, параллелями, конусами, климатом Ниццы. Даже с правописанием: я до сих пор пишу «имузительный» вместо «изумительный». Говорю ж тебе, со мной что-то не так.

В это время мы проезжали какую-то деревеньку, где все дома были из камня. На еще сонных фермах красовались большие вывески с надписями «Свиньи», «Овцы», «Бараны».

– Видел, – сказал папа, – они еще и обзываются!

Я лишь слегка улыбнулся, но в итоге сдался и разразился хохотом, как папа, и мы уже не могли остановиться. «Панар» катился зигзагами в это кристальное утро. Вдруг мимо нас промчалась стайка велосипедистов: все такие разноцветные, раскачивающиеся вправо-влево на своих сиденьях, потные, с большими задами. Папа распахнул окно.

– Лентяи! – проорал он. – Капиталисты!

И вдавил педаль газа в пол, отчего из «панара» аж искры посыпались.

Было очень смешно, пусть я и не знал, что значит «капиталисты», но я подумал, что это кто-то вроде лентяев. Затем папа включил радио, и заиграла песня «Satisfaction»¹⁷ группы The Rolling Stones – истинная красота рока. Было забавно слышать, как папа пытается петь вместе с Миком Джаггером¹⁸.

«Панар» остановился в деревушке, мы вышли из машины и отправились в кафе. Отец крепко пожал руку хозяину заведения – круто! Наверняка это был кто-то из его клиентов, потому что папа заметил, что товар еще не доставили. Я понятия не имел, о каком товаре шла речь, но это выражение меня всегда впечатляло: папа часто говорил так, особенно по телефону с клиентами. Я заказал горячий шоколад, бутерброд и заглянул в блокнот. Мне следовало обра-

---

¹⁷ «Удовлетворение» (англ.) – знаменитый хит рок-группы The Rolling Stones 1965 года.

¹⁸ Солист группы The Rolling Stones.

щать больше внимания на работу «панара», потому что, в конце концов, именно ради этого я отправился в путь с отцом еще на рассвете. С нашей машиной достаточно ослабить хватку на пару минут – и всё барахлит. «Панар» – автомобиль гордый и известен своей капризностью. Очень непредсказуемый тип! Его ахиллесова пята – выхлопная труба.

– Мне кажется, – заметил отец, возвращаясь с подносом в руках, – что клапаны издают какие-то странные звуки...

– Потрескивают?

– Да.

– Запишу.

Сделав глоток шоколада, я пролистал справочник Кребса.

– По-моему, – сказал папа, – надо бы проверить цилиндр.

– Посмотри, чтобы уплотнительные кольца регуляторов подъема клапанов были затянуты. Потому что в последний раз, ты уж извини...

– Глянь, у тебя усы...

Он улыбнулся. Я провел рукавом по губам, чтобы «побриться». И тоже улыбнулся.

– Знаешь, папа, главная проблема в том, что я расплылся.

– То есть?

– Я понял это в тот день, когда учительница математики посадила меня с одной девчонкой.

Он снова улыбнулся.

– А она не расплылась?

– Ничуть. Наоборот, такая четкая. Даже слепые, наверное, исцеляются, глядя на нее. И знаешь, из-за чего я так подумал?

– Нет.

– Из-за ее носков.

Мы замолчали на несколько секунд. Затем я продолжил:

– Папа?..

– Да?

– Надо купить мне новые носки, чтобы без дыр и с резинкой. Я правда верю, что дела в школе пойдут лучше с достойными носками – носками победителя! А ты, пап, элегантно одевался в моем возрасте?

Он немного подумал. В кафе вошли охотники.

– Суперэлегантно. Я носил галстуки и жилеты. А еще мокасины.

Отец считал, что элегантность – что-то вроде паспорта и что мой дедушка, от которого он этого нахватался, никогда не смог бы прижиться во Франции, если бы не его костюмы милорда.

Я представил его, такого шикарного, на школьном дворе, и это меня как-то даже тронуло. Оказывается, незнакомое прошлое может волновать не меньше неизвестного будущего.

– Получается, твое чудо – это носки! – заметил папа.

– Вроде того.

Мы вернулись к «панару» и отправились в путь. Папа обращался с рычагом переключения передач мягко, словно гладил по голове.

А затем снова включил The Rolling Stones.

4

На следующей неделе я убедился, что математическое чудо звали Мари-Жозе. Всё это время я наивно полагал, что она тут ни при чём. Мне даже удалось убедить себя, что, может, я решил задачу, сам того не заметив. В истории случались вещи поудивительнее – примеров у меня сейчас нет, но именно так я рассудил на одном из уроков.

Но в тот день, когда учительница раздала нам проверенные работы, сомнения рассеялись, всё стало ясно, потому что оценка Мари-Жозе оказалась ниже моей. А такого не могло случиться, так в природе не бывает, несмотря на все божественные вмешательства. Меня поздравили и чуть ли не церемонию устроили – я был тронут, очень тронут и уже начал всерьез воспринимать эти комплименты, словно действительно их заслужил, несмотря на засевшую где-то глубоко тревогу. Весь класс смотрел на меня, и я был потрясен, потому что никто, похоже, ничего не заподозрил. И даже Хайсам вышел из своего привычного оцепенения, чтобы не пропустить этот важный момент.

На его широком, полном спокойствия и уверенности лице сияла мягкая улыбка. Сердце мое бешено колотилось от волнения. Учительница никак не унималась – сцена походила на награждение орденом Почетного легиона, словно я высадился на какую-то геометрическую луну. Я подумал, что она немного преувеличивает, но, так как опыта в выслушивании похвал у меня не было, промолчал. Преподаватель даже сравнила меня с Мари-Жозе, когда отдала ей ее контрольную, и тут я в первый раз услышал, как учительница шутит.

– Видишь, у тебя получилось лучше, чем у Мари-Жозе, которая всё-таки допустила огромную ошибку в решении задачи. Поэтому я уверена, что ты не списывал!

Только вот вся эта история завершилась не очень удачно, потому что в конце урока учительница подошла ко мне, прихрамывая, и сказала:

– Теперь никаких поблажек! Ты доказал, что способен решать задачи, если немного позанимаешься. Я ведь могу на тебя рассчитывать, а?

Она смотрела мне прямо в глаза. А потом торжественно добавила, как на всяких старинных церемониях:

– Все рассчитывают на тебя!

Я вышел из класса с чувством, будто судьбы мира зависят от того, что я напишу, и в голове вертелась только одна мысль: я крепко влип. Мне хотелось обсудить ситуацию с Мари-Жозе, но она сбежала, растворилась в воздухе. Уже в коридоре мне показалось, будто я только что вышел с ринга. Я поискал глазами Этьена и Марсея – эти двое были членами рок-группы, которую я когда-то создал, – но они уже пинали мяч во дворе.

Спустившись, я попытался как можно тише прошмыгнуть мимо кабинета Счастливого Люка, но по «счастливой» случайности всё-таки столкнулся с ним. Он лишь подлил масла в огонь:

– Отличный спринт, мальчик мой, ты вышел в отрыв! Я уже в курсе твоих подвигов. Ты получил свою желтую майку лидера!¹⁹ Даже добавить нечего! Снимаю шляпу! Настоящий мушкетер!

Счастливчик Люк положил руку мне на плечо, будто и вправду мною гордился.

– Надеюсь, ты доволен!

– Да, месье, очень...

– Я знал, что мы можем на тебя рассчитывать, что все наши педагогические усилия не напрасны...

И завуч показал мне большой палец.

---

¹⁹ Желтую майку лидера получает победитель велогонки «Тур де Франс». Счастливчик Люк любит спортивные сравнения.

Это было уже слишком. Я помчался в туалет, так как эмоции овладели мной, а я не хотел разрыдаться перед всеми – у меня есть гордость. Поскольку я обычно прятал здесь бумагу, у меня всегда было укромное место. Я заперся в кабинке и разрыдался. Мне полегчало, даже стало лучше. И я решил подвести итоги прямо здесь, на унитазах. Я часто мечтал о подобной лавине комплиментов, но примерно так же, как о слишком дорогом подарке на Рождество. Теперь, когда это произошло, у меня всё внутри перевернулось. На этом с эмоциями было покончено. Надо было решать, как жить дальше, потому что теперь на мне лежала огромная ответственность. До этого я никогда не был хоть в чём-то на высоте и жил себе спокойно, а теперь они ожидали от меня результатов. Я с легкостью мог всех разочаровать, а когда разочаровываешь других, это, скажу вам честно, полная тоска – даже надеяться не на что. Мне очень хотелось всё вернуть, пойти к Счастливику Люку и признаться, что это подстроено, что я жульничал и не стоит чего-то от меня ожидать. Моя карьера в качестве хорошего ученика началась очень плохо – с напрягов и сожалений. Я спустил воду в унитазах, задаваясь вопросом: почему у меня всё всегда превращается в какой-то цирк?

Во дворе я заметил Этьена и Марселя. Их вдвоем поставили нападающими на правый фланг, потому что оба были левшами. Я называл этих братьев Метро с тех пор, как узнал, что есть станция метро «Этьен Марсель»²⁰. Они просто отвратно играли на басу и барабанах, но я не обратил внимания на их музыкальные способности и взял в группу. Чтобы отметить рождение нашей команды, мы разбили бутылку яблочного сока о старую электрогитару, которую мне купил отец. Он же и подсказал нам экстравагантное словечко для названия группы – «Сверло» – и даже разрешил репетировать в мастерской у нас во дворе. Я понятия не имел, как ему взбрело в голову такое название... «Сверло»... И сперва подумал, что он на качество нашего звука намекает, ну да ладно... Однажды мы дали учителю музыки диск с нашими лучшими произведениями. Учитель оценил наш порыв, но, по его мнению, у нас возникли неполадки при записи, потому что он услышал только металлический стук и свист.

– Очень странно, – сказал нам учитель, немного смутившись, – кажется, что вы записывались в кузнице... или... на взлетной полосе!

Мы забрали диск и обиделись на учителя, потому что артисты – народ чувствительный.

Уже перед звонком на урок я спросил Этьена и Марселя, что они думают о моем положении. Конечно, я промолчал о том, что Мари-Жозе наверняка замешана во всем этом, поскольку и так чувствовал себя нелепо. Этьен предположил, что я действительно становлюсь «маэстро лазеек», о котором рассказывал уважаемый египтянин, и что мне стоит продолжать жульничать, чтобы остаться на высоте. Я пожал плечами.

– Это невозможно. Я слишком туп, чтобы жульничать эффективно. В прошлом году я попытался, а в итоге меня оставили после уроков и заставили отмывать все туалеты в школе. Нет, спасибо. К тому же меня мучает совесть. У вас такого не бывает?

– Нет.

Марсель посмотрел в небо и предложил мне просто усерднее заниматься и добиться успеха честным путем. Конечно, подводя итоги в туалете, я уже приходил к такому решению.

– Слишком поздно. Как только я пытаюсь учиться, всё превращается в китайскую грамоту. Например, я уверен, что сегодня вечером уже не буду понимать утренние уроки биологии про гладкие и морщинистые горошины, которые дают... ну, что-то там дают. Вот о чём я – вообще ничего не пойму!

– У всех великих рок-музыкантов была беда с учебой, – заметил Этьен.

Из уважения к сказанному повисла пауза.

– А ты действительно великий музыкант, – добавил он, чтобы просто что-то добавить.

---

²⁰ Станция метро в Париже, названа по расположенной рядом улице Этьен Марсель, которая, в свою очередь, получила название в честь французского средневекового государственного деятеля Этьена Марселя.

* * *

После уроков я предупредил Хайсама, что не приду смотреть игру в шахматы, потому что меня ждет срочное дело.

– Жаль, – ответил он, – а я хотел показать тебе секреты сицилианской защиты...

Да они как сговорились! Я сделал вид, что не понял, о чём он, и сказал:

– Может быть, завтра.

– Не получится. Завтра суббота.

– И что?

– Шаббат. В этот день мы ничего не делаем.

– Но ты же египтянин, уважаемый египтянин. А твой отец – турок. Турок из Стамбула.

– Из Галаты²¹, я попрошу. И что с того?

Я не придумал ничего достойного в ответ, да и в целом моя голова была занята другими вещами. Хайсам открыл дверь в комнату консьержа, где его отец плел косички из теста, водрузив на голову феску. Перед тем как закрыть дверь, мой уважаемый египтянин снова заговорил:

– Мне кажется, ты торопишься уйти из школы из-за сегодняшних подвигов.

Казалось, его взгляд-рентген просвечивает меня насквозь. Уверен, он даже скелет мой увидел.

– И что с того? – повторил я его слова, не задумываясь.

Хайсам медленно опустил голову, словно соглашаясь, что я ответил правильно, и у меня по спине побежали мурашки – я почувствовал, будто расту благодаря ему.

Я побежал ко въезду в деревню, чтобы не упустить Мари-Жозе. Я точно не переживу выходные, если не разберусь со всем этим немедленно. Мне захотелось снова зайти в церковь и помолиться о том, чтобы она была одна, но я подумал, что две молитвы за такое короткое время – слишком подозрительно. Там, наверху, наверняка не потекают малейшим прихотям. Так что я просто скрестил пальцы. И появилась она, одна, с копной волос, которые были похожи на пенный шар. Я набросился на нее, как истребитель. Мари-Жозе подпрыгнула.

– Надо же, ты меня напугал. Как дела?

– Никак.

– Интересно, почему? Тебя же сегодня просто захвалили?

– Именно из-за этого.

– Да что с тобой? Расскажи.

Я чувствовал, что закипаю, но всеми силами сдерживался, потому как она могла меня бросить прямо здесь, посреди улицы, и уйти домой. А мне хотелось бы обрисовать ситуацию ясно и четко – эти два качества очень важны в жизни, говорит папа. Я заметил, что она не надела свое огромное кольцо.

– Не делай вид, будто ничего не понимаешь. Ты же знаешь, что я крепко влип.

Она села на скамейку напротив церкви.

– Рассказывай, только быстро. Мне нужно домой.

– Короче, сегодня я получил оценку выше твоей...

– Да, я ошиблась на последнем этапе.

– Ты издеваешься? Да вы все сегодня издеваетесь... Я прекрасно знаю, что ты мне подложила решение задачи, а потом специально ошиблась, чтобы сбить всех со следа...

– И зачем мне так поступать? Но допустим. Почему ты так волнуешься? Ты же получил лучшую оценку в классе!

---

²¹ Исторический район в европейской части Стамбула.

Я подыскивал слова, чтобы объяснить всё, что накопело в душе. Взгляд мой упал на церковный флюгер, который вертелся во все стороны. Будет буря, подумал я. Вдруг Мари-Жозе встала, а я поплелся за ней по пятам.

– Все теперь думают, что мои оценки будут улучшаться. И только я один, ну то есть вместе с тобой, знаю, что не я их улучшаю, а всё это – лишь надувательство. Даже Счастличик Люк меня поздравил. И я уверен, что мой отец тоже в курсе.

– И что с того?

– Да то, что я всех разочарую, а это тоска зеленая. Неизбежно. Я никогда не смогу повторить этот подвиг. На следующей же контрольной я рухну на самое дно, и всё станет ясно...

– Если только...

– Никаких «если»... Я тебе сразу говорю: жульничать не стану... Да и кстати, ты же сама...

– Допустим. Но я не предла...

Она замедлила шаг, и я понял, что мы пришли. Но я не собирался отпускать ее вот так. Я встал перед воротами и скрестил руки на груди.

– Давай начистоту: это ты или не ты?

Мари-Жозе спокойно искала ключи в сумке, ее рыжие кудри скрывали лицо.

– Хорошо. Это я.

Странно, но я потерял дар речи. Она посмотрела на меня, улыбнулась и закусила губу – всё это одновременно.

– И зачем ты это сделала? Разве не видишь, что у меня теперь проблемы? Примерно как с голодающими в Африке: устроишь им пир горой, а они тут же коньки отбросят. Со мной то же самое; надо было начинать с малого.

– Я не подумала. Это вообще на меня непохоже... жульничать, я хочу сказать... хотя и не думать тоже.

Несколько секунд я задавался вопросом, достойное ли это оправдание или нет. Красная армия высадила у меня в голове все свои батальоны.

– Мне нужно домой, я должна позаниматься на виолончели... но, если хочешь, заходи, послушаешь.

Я чуть не сказал, что я тоже музыкант, но сдержался. Мне было очень любопытно познакомиться с ее виолончелью. Но папа бы стал волноваться. А я бы заволновался, потому что он волнуется. Меня вообще очень раздражает, когда мы начинаем волноваться параллельно друг другу. И всё-таки я поплелся за Мари-Жозе. Мы прошли через сад по усыпанной гравием аллее, которая петляла вокруг деревьев всех видов и сортов. В какой-то момент она прошептала:

– Кстати, спасибо, что вернул бумагу в туалет для девочек...

* * *

Весь вечер я размышлял о случившемся. Моя голова стала похожа на тыкву, и папа сказал, что я странно выгляжу. В итоге пришлось улечься в постель с градусником. Когда папа спросил, что же такое со мной приключилось, я просто ответил:

– Я откусил больше, чем могу проглотить.

И так как он ничего не понял, пришлось объяснить:

– У меня лучшая оценка в классе.

Кстати, он уже был в курсе, потому что столкнулся со Счастличиком Люком, который тренировался на своем велосипеде, и вместе они пришли к выводу, что для меня еще не всё потеряно.

Казалось, папа удивился, что я так мучаюсь из-за хорошей оценки, но ему предстояло еще кое-что доработать в «панаре», поэтому он оставил меня, заключив, что я вечно недоволен и просто не создан для счастья. В любом случае я не собирался углубляться в детали.

Я вспомнил, как мы провели время с Мари-Жозе. Пришлось целых полтора часа слушать, как она играет на виолончели Вивальди²², Баха²³ и Марена-что-то-там²⁴ – никогда о таком не слышал. В конце концов Мари-Жозе отложила смычок и спросила:

– Ты тоже любишь музыку?

– Да, – сказал я.

– Классическую или барокко?

– Марокко? При чём тут Марокко?

– Барокко, а не Марокко.

Я покраснел как помидор от собственной глупости.

Уж не знаю, в чём там разница, но барокко мне вообще ни о чём не говорило, я даже задумался, не ловушка ли это. Классическая казалась мне более... классической.

– Классику. Потому что второй вариант, понимаешь...

– Что именно из классики?

Я думал со скоростью сто километров в час. Времени хитрить не было. Вспомнился, уж не знаю почему, мой кролик, который умер в прошлом году, и название его корма – «Моцарт».

– Моцарт. Мой любимый классик – Моцарт.

И, облегченно улыбнувшись, подумал, что поищу информацию о Моцарте позже.

– Какое-то конкретное произведение?

– О... всего понемногу. Я вообще фанат.

Она принялась натирать смычок странной штукой – чем-то вроде воска.

– Что это? – спросил я, стараясь изобразить интерес.

– Канифоль. Чтобы смычок лучше скользил по струнам.

Ее движения походили на долгие поглаживания.

Я встал – в ногах забегали мурашки.

В книжном шкафу в алфавитном порядке стояли разные книги. Я тут же заметил, что почти все они о глазах, что странно. «Анатомия оптического нерва», «Патологии зрения», «Изучение слепоты» и так далее. И еще целая куча других с такими сложными названиями, что их можно было принять за научно-фантастические. Я спросил:

– Забавно, все эти книги – о глазах. Почему ты так этим интересуешься?

– Это для доклада.

– Какого доклада?

– Да знаешь, я предложила учительнице литературы сделать небольшой рассказ о книге, в которой Хелен Келлер описывает свою жизнь.

– А какое отношение она имеет к глазам?

– Ну, Хелен Келлер – американка, которая потеряла зрение в возрасте девятнадцати месяцев. Ей удалось стать очень известной и умной благодаря одной учительнице, которая сделала всё, чтобы спасти девочку... Вот такая история, вкратце, конечно. Хочешь, дам тебе почитать.

– Нет, спасибо, мне пока хватит «Трех мушкетеров». Может быть, позже, когда я дочитаю... лет через десять. Кстати, есть одна вещь, которая меня беспокоит... это правда, что Александр Дюма, короче, любил набивать брюхо и бегать за женщинами?

---

²² Антонио Лучо Вивальди (1678–1741) – итальянский композитор и скрипач-виртуоз. Его называют одним из крупнейших представителей итальянского скрипичного искусства XVIII века.

²³ Иоганн Себастьян Бах (1685–1750) – немецкий композитор, органист и музыкальный педагог. Ярчайший представитель искусства барокко в музыке.

²⁴ Имеется в виду Марен Марэ (1656–1728) – французский композитор и исполнитель на виоле да гамба.

– Это правда.

Я немного расстроился: хотелось верить, что Хайсам что-то напутал. Но, похоже, уважаемый египтянин не ошибается никогда.

– То есть все эти книги тебе нужны для доклада?

– Мне нравится опираться на множество источников, когда я что-то готовлю.

– Думаю, ничего удивительного, что ты интересуешься глазами и слепыми...

– Почему?

– Потому что из многих слепых получились отличные музыканты. У вас есть что-то общее.

Мари-Жозе пожала плечами, а лицо ее словно закрылось на замок в два оборота – так я понял, что сморозил что-то несусветное. Но, честно говоря, такое частенько в моей жизни случалось.

Дом погрузился в тишину, иногда кое-где скрипела половица.

– Ты одна? Твои родители не придут?

– Придут, но позже. Я часто одна, потому что мои родители – эксперты в произведениях искусства. Они аукционисты, поэтому часто не бывают дома.

– Аукционисты? Что-то с акциями?

– Да нет же. Знаешь, один... два... три... Продано!

Она ударила по столу невидимым молоточком. Я видел такое в фильмах.

Несколько минут мы молчали, поэтому я решил, что необходимо срочно найти тему для разговора. Всё связанное с музыкой пришлось отбросить немедленно, потому что я действительно... был не на высоте. Кстати... надо не забыть поговорить с Метро и попросить их молчать о наших музыкальных опытах. Чем больше я думал, чего бы такого сказать, тем меньше было идей. В итоге я решил: уж лучше заявить, будто я должен идти, поскольку атмосфера стала тяжелой. Мари-Жозе убрала виолончель, села на кровать и пристально на меня посмотрела.

– Хочу кое-что тебе предложить...

Я почувствовал, как голова уходит в плечи, – здесь пахивало какой-то подозрительной сделкой.

– И что же?

– Ну вот. Я поставила тебя в неудобное положение, желая помочь...

– Да, но и я сам здесь замешан; мне слишком сложно отнестись к этому иначе...

– Знаешь, я отличница.

Я пожал плечами.

– Все это знают.

– Мои родители отправили меня как-то на тестирование. Я помню результат. Никогда не забуду слова психолога: «Ай-кью гораздо выше среднего...»

– Прости, у меня с английским как-то не очень.

– Тест на коэффициент интеллекта, балда. На то, что там у тебя в голове... А мой интеллект гораздо выше среднего, и еще у меня необыкновенная память и хорошо развито абстрактное мышление.

Я сделал вид, что это очень круто, хотя даже понятия не имел, что такое абстрактное мышление и чем оно отличается от обычного.

– И что? – сказал я. – Мне плевать. Или ты мне собираешься всю свою биографию рассказать?

– Мне тоже плевать, дело не в этом, а вот в чём: если хочешь, я могу с тобой позаниматься.

– Позаниматься?

– Да. Повторить. Объяснить то, что ты не понял. Помочь нагнать остальных.

Я широко открыл рот и, наверное, переливался всеми цветами радуги. В голове всё смешалось в кучу: Решевский, Александр Дюма, Моцарт, Марен-что-то-там, дама с камелиями и д'Артаньян, и даже Счастливчик Люк и его «Тур де Франс». Я едва выговорил:

– Мне нужно подумать. Привыкнуть к мысли.

Конечно, репетиторство не сильно вязалось с образом подрывного гитариста-бунтаря.

Я взял куртку, однако, перед тем как уйти, всё-таки как бы бросил ей вызов:

– А если я спрошу тебя, какие технические новшества появились в «панаре» во время гонки Париж – Берлин в 1901 году, ты найдешь ответ?

– Найду.

«Как же, ищи-свищи, красавица, – повторял я себе по дороге домой, предвкушая победу, – ищи себе сколько влезет...»

5

Предмет	Ср. оценка	Замечания
Литература	9	В течение нескольких недель делает успехи. Тем не менее хочется напомнить Виктору, что Гюстав Флобер не работает в «Нувель обсерватёр» ¹ , а Достоевский не писал «Братьев Калашниковых».
Математика	10	Чудо произошло перед осенними каникулами. Однако попрошу Виктора не подписывать контрольные «Альберт Эйнштейн».
История и география ²	8	Виктор учится лучше, но я не знаю, где он видел, чтобы Грецию омывало Эгейское море.
Биология	10	Виктор старается, но я очень прошу, чтобы он забыл о поисках взрывоопасных минералов бордового цвета, которыми по какой-то причине одержим. В этом году моим лягушкам не на что жаловаться. По крайней мере тем, кто избежал геноцида.
Физическая культура	5	Я прекрасно знаю, что ты прячешься за платанами во время марафона. Твою шапочку видно!
Музыка	12	Виктор рисует на партах виолончели, что демонстрирует его новое музыкальное увлечение. Но поет по-прежнему фальшиво.

¹ Французский современный еженедельник. Основан в 1964-м. Название в переводе обозначает «Новый обозреватель». Гюстав Флобер (1821–1880) — французский прозаик-реалист, считающийся одним из крупнейших европейских писателей XIX века.

² Во французском коллеже это один предмет.

Таким был конец триместра. Папа читал комментарии, а я заглядывал ему через плечо, встав на цыпочки. Мне было очень интересно, что стало с оценками, потому что с тех пор как Мари-Жозе взялась за меня, я, как говорится, настолько залип на учебе, что уже не видел, куда иду и что делаю. Выбрав в качестве примера лучшую ученицу в классе, я теперь старался изо всех сил, чтобы хоть как-то приблизиться к ее уровню. И это мне очень напомнило переезд в

новый дом, когда нам с папой пришлось переделывать стены. Я шпаклевал их дни напролет, но поскольку стоял совсем близко к стене, то не видел, что напортачил, и приходилось накладывать новый слой.

Это был мой первый табель успеваемости, которого я не сильно боялся. Я взял в руки калькулятор, чтобы посчитать общую среднюю оценку и хорошенько убедиться в своих успехах. Папа тихо хихикнул.

– Что такое? Тебе смешно?

– Братья Калашниковы... надо же! Тебе не стыдно?

Папа скрутил лист в трубочку и попытался стукнуть меня по голове, но я увернулся.

– Ка-ра-ма-зо-вы! А не Калашниковы!

Он так долго смеялся, что в его глазах заблестели слезы.

– А Флобер пишет для «Нувель обсерватёр»! А почему не ведет новости по телевизору?

– Мне дядя Зак говорил, что он работал в этом журнале²⁵.

От этой новости папа повесил нос. Мне тоже стало грустно, когда я вспомнил о дяде Заке.

Наконец папа подвел итог:

– Знаешь, а всё не так уж и плохо в конечном счете. Тебя даже хвалят.

В общем, я был с ним вполне согласен.

– Ну, кроме физкультуры, – уточнил он.

Должен признаться, что мы с Мари-Жозе пока решили забить на физкультуру – всего не успеешь!

– А спорт всё-таки важен!

Папа исполнил парочку движений, желая показать класс в дриблинге и удерживая невидимый мяч. Прикольно получилось.

– Видишь ли, Виктор, я ведь в молодости был чемпионом Парижа по футболу.

– Шутишь!

Он сделал вид, что изо всех сил пинает мяч.

– Конечно шучу! Но всё равно не забывай про спорт.

Повисла пауза. Папа отдал мне табель с оценками и принялся убирать чашки, которые стояли по всей гостиной. Уже направляясь к кухне, он вдруг обернулся и выдал:

– Твоя мама гордилась бы тобой!

И продолжил свой путь. Вскоре послышалось, как он роется в шкафчиках.

– Папа? – спросил я, пока он был на кухне.

---

²⁵ Возможно, дядя Виктора сказал ему, что Флобер работал для журнала «Парижское обозрение», а Виктор, как обычно, всё перепутал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.